

ПОЛИНА
КОЛОЗАРИДИ

Из России, из России, из России

*Из России с кодом. Миграции программистов
в постсоветскую эпоху*

Под ред. МАРИО БИАДЖОЛИ, ВЕНСАНА ЛЕПИНЭ
СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2021. – 606 с.

Весной 2022 года айтишники в очередной раз начали покидать Россию. Осенью 2022-го, когда я пишу данный текст, их отъезд стал еще более масштабным. Это массовое перемещение за границу своей страны пока не описано социальными учеными, и едва ли мы можем рассчитывать даже на точную статистику. Российское правительство отреагировало почти сразу: в университетах повысилось количество бесплатных мест для IT-специальностей, а для профессионалов в этой области стали выделять фантастические, особенно для военного времени, льготы вроде скидок на покупку жилья. Как подействуют эти меры – тоже сейчас не вполне понятно. Но можно обратиться к недавней истории и понять, что происходило с российскими айтишниками в 2000–2020-х. В этом помогает книга «Из России с кодом», выпущенная издательством Европейского университета.

НОВЫЕ
КНИГИ

БОЛЬШАЯ ПОЧИНКА

Авторы предлагают понимать IT-деятельность как работу по организации общественных отношений. Специалисты по программированию не просто создают код – они переводят социальные операции в технологические. Такой перевод связывает существующие порядки универсальным способом: ведь язык кода действует на всех устройствах одинаково. Где бы ни придумали алгоритм, в наших приложениях он будет работать одним, предсказуемым, образом. На деле эта универсальность мнимая. Она не создает единообразия. Ведь она наследует культурам, в которых коды возникают и реализуются. У айтишников есть условия труда, образование, семьи – и все это может влиять на код. Но в языках программирования нет указания на контекст производства. Книга «Из России с кодом» представляет собой что-то вроде большого метатекста, культурно-антропологического комментария к тому, что такое код, если он сделан специалистом из России.

На материалах семнадцати исследований авторы показывают, какие явления составляют культурно-исторический контекст написания кода (часть 1); как устроена современность повседневной жизни айтишников в России (часть 2); наконец, как инженеры и математики из СССР и России перемещались в другие страны мира и что с ними там происходило (часть 3). Во вступительной статье Марио Биаджолли и Венсан Лепинэ подчеркивают, что «Из России с кодом» – это международный проект: исследования велись в разных странах мира, и первое издание книги вышло на английском языке. В русскоязычной версии добавилось исследование Лилии Земнуховой об айтишниках в Лондоне.

Тексты написаны на материалах качественных исследований и отчасти продолжают разработку сюжетов, изложенных в книге «Фантастические миры российского хай-тека»¹. В «Мирах...» предметом интереса авторов были технопредприниматели, и IT-сфера там не затрагивалась. Зато обе книги начинаются с одного и того же исследовательского удивления: русские не умеют коммерциализировать свои технические навыки. Эта идея американского историка советской и российской науки Лорена Грэхема почти не подвергается сомнению в «Мирах...», но в «Из России с кодом» выглядит чуть менее экзотизирующей. Нежелание или неспособность коммерциализировать продукты своего интеллектуального труда уже не рассматривается как причуда русского Левши. В книге показано, что люди, которые живут и программируют в России (или уезжают из нее

1 Бычкова О.В., Гладарев Б.С., Хархордин О.В., Цинман Ж.М. *Фантастические миры российского хай-тека*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

ИЗ РОССИИ, ИЗ РОССИИ,
ИЗ РОССИИ

Полина Колозариди (р. 1987) – исследовательница и преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Национального исследовательского университета ИТМО, координатор клуба любителей интернета и общества.

писать код в другие страны), различаются по происхождению, национальности, профессиональной специализации. Их объединяют элементы советского математического и/или инженерного образования, а также работа в IT-сфере.

Собственно профессиональные задачи IT-разработок в книге почти не описаны: сюжетами монографии становятся то гражданский активизм (в исследовании Ксении Ермошиной), то работа в больших корпорациях (в главе, написанной Дианой Курковски-Вест), то деятельность в стартапах и технопарках (изученных Александрой Симоновой). Во всех этих организациях люди занимаются технологизацией неких процессов, а их рефлексия по этому поводу описана разве что у гражданских активистов. Впрочем, и они, как предполагается, действуют против всего плохого (то есть неудобного) во имя всего хорошего и прогрессивного.

В некоторых статьях – например, в исследованиях Марины Федоровой о программистах Армии Израиля и «Яндекса» – вопрос о том, как эти люди пишут код, рассматривается несколько подробнее. Но за этим редким исключением тема технического задания остается за кадром. Такое равнодушие к содержанию работы айтишников оставляет читателя в некотором недоумении. Но зато авторы позволяют разглядеть за самой практикой написания кода социальные смыслы (в частности, переустройство связей между людьми) и предлагают обратить внимание на две проблемы.

Во-первых, производство технических решений нужно для общественной жизни. Но в традицию еще советского образования входит четкое разделение работы с людьми и работы с техникой. Пример живучести такой традиции приводит в одном из интервью собеседница Дианы Курковски-Вест:

«Когда работодатель Марины спросил у нее, хочет ли она занять менеджерскую позицию, она ответила ему: “Нет, нет, только не это! Я не могу работать с людьми” – и несколько раз повторила: “Я не могу людям говорить, что им делать”» (с. 455).

Во-вторых, IT-специалисты и сами оказываются трагически отделены, или – если воспользоваться гегельянско-марксистским словарем – отчуждены, от трудовых процессов, в которых они участвуют. Неважно, работают они над программой для распознавания лиц в метро или разрабатывают систему логистики брюквы. Как следует из той части книги, которая посвящена профессиональным сообществам айтишников в разных российских городах, они не могут проявить политическую волю, даже объединяясь друг с другом в процессе труда. В исследованиях, проведенных в Казани, Владивостоке, Сибири и «Сколково» (а также в московском «хакерспейсе»), видна по-

литическая неспособность айтишников влиять на условия и характер своей профессиональной деятельности на рабочем месте. Если они оказываются в ситуации, которая способствует совместному труду, они производят стартапы, а если нет – заняты исключительно воспроизводством существующих в университетах и на больших производствах практик. При этом новизна произведенного продукта, по умолчанию (в том числе в книге), считается чем-то благим, а повторяемость и масштабирование – скорее вторичным. Подробнее в этой проблеме позволяют разобраться те части книги, которые посвящены рефлексии труда айтишников как отдельного вида производства.

Российская специфика в обоих случаях связывается с тем, как устроены отношения между постановкой задачи и способами ее решения. Специалисты из России блестяще решают уже сформулированные задачи (и даже создают на этом собственный бренд, хотя не вполне успешно, как мы видим из главы, написанной Лилией Земнуховой). Но постановка задач – это дело других людей или сил. Инженерная и математическая добродетель – превращать управленческие цели в познавательные и технические, но не наоборот. Специфику этой особенности, корнящейся в советском образовании, описывает Ксения Татарченко. Она объясняет, как информатика стала одновременно наследницей кибернетики, создала собственный миф и институты, предполагающие, по задумке Андрея Ершова, «реализацию возможностей человеческого разума посредством тесной взаимосвязи, братства человека и машины» (с. 102).

Итак, задача «русского кода», если следовать этой линии интерпретации, – обратить порядок вещей в порядок технический. Код не в силах повлиять на ход вещей, но он может починить социальный порядок или хотя бы отдельные его элементы. Этот способ работы в IT противопоставляется свободному предпринимательскому подходу, распространенному в Кремниевой долине. Сам «глобальный» (скорее американский, чем европейский) подход к программированию в книге берется за норму и поэтому не критикуется. Чтобы восполнить этот пробел, можно почитать о том, как Евгений Морозов критикует «технический солюционизм»: иллюзорную идею о том, будто социальный порядок можно изменить, создавая техничные решения и делая реальность более подконтрольной на уровне личного, переконструированного в политическое².

И все же айтишники из СССР и России не марионетки-исполнители. Они тоже способны к сопротивлению существующему социальному порядку. Авторы введения описывают это

2 MOROZOV E. *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. New York: Public Affairs, 2013.

как стремление изобретать самостоятельно: создавать что-то, опираясь на моделирование и научное знание, но создавать не в мире науки, а в мире практических действий:

«Столь непреклонная привязанность к модели изобретения может корениться не в увлеченности призрачной чистотой, а в отсутствии самого что ни на есть мирского доверия к коллективным формам организации – разновидности сотрудничества, которая необходима, чтобы изобретение стало инновационным продуктом» (с. 52).

Такая инженерная критика больших порядков отличается от гуманитарной и политической критик, которую мы встречаем в текстах XX века: критические теоретики – в диапазоне от Теодора Адорно до Жана-Франсуа Лиотара – не считали, что работа с техникой может стать основанием для самостоятельного политического действия. Разве что философия Жильбера Симондона, с его фигурой «технициста», позволяет понять возможности сопротивления инженерно-технической среды. Ведь, возможно, источник такой критики – это сама специфика труда в IT-деятельности.

ВСЕ ХОТЯТ БЫТЬ РОБОТАМИ

В книге уделено внимание коду как результату производственной деятельности. Ему посвящена первая часть: Ксения Татарченко в главе «До распада: культуры программирования в Советском Союзе» описывает исторический контекст; Ксения Ермошина в главе «За код и страну: гражданские хакеры в современной России» показывает, как эти самые хакеры производят «солюционизм» по-русски; а Марина Федорова в главе «От наблюдателя до ниндзя» рассказывает о разнообразии способов кодига в «Яндексе» и объясняет, как из этого возникают сообщество и иерархия.

Устройство базовой проблемы очевидно для IT-сферы любой страны: программисты производят алгоритмы, которые делают ненужным сам труд программистов. Они лишают себя и своих потомков (или младших коллег) будущего, в котором они могли бы продолжать делать то же самое, что и сейчас. Программист обрекает следующего программиста на новые скитания в поисках того, что еще не технологизировано. Или – на выход из профессии.

Эта проблема не новшество из мира высоких технологий. Можно вспомнить один из центральных сюжетов марксизма: рабочий производит станок, который его заместит. Так же ай-тишники замещают себя техническими системами собственно-

го производства. Более того, разработчики все более сложных систем, в быту называемых «искусственным интеллектом», производят технические аналоги интеллектуальных и культурных практик. Они в свою очередь замещают элементы социальной жизни. Страхами по поводу подобных перспектив полна научная фантастика – от Франкенштейна до «Матрицы», не исключая теоретиков вроде Льюиса Мэмфорда или Шошаны Зубофф. В этих страхах перемешаны восставшие машины и алгоритмы, которые заменяют волю человека желаниями общества или государства, воплощенными через механизмы.

Что добавляет «русскость» кода в эту мрачную картину? На первый взгляд, ничего хорошего: лишенный рефлексии и политической агентности по поводу собственного типа производства русский айтишник выступает универсальным рабочим при станке. Но глава Марины Федоровой о том, как устроены сообщества в «Яндексе», дает несколько иную перспективу и даже вселяет надежду. Она уподобляет их читателям Библии: «сообщество “Яндекса” формируется с помощью практики чтения кода» (с. 123). Более того, в ходе этнографических наблюдений Марина выясняет, что есть два подхода к коду: инженерный и математический. Инженеры предпочитают популярный язык программирования C++, а «математики» скорее склонны писать код на языках высокого уровня, поскольку больше концентрируются на самой проблеме, а не на инструментах для ее решения». В главе показано, что через совместные практики формируются новые правила и стандарты, а значит, объединяясь не в практиках взаимодействия, а через код, айтишники могут менять исходные условия.

Конечно, объединение происходит не во всех корпорациях. Но, если противоречие заложено в способ производства, оно может быть основанием для рефлексии и изменений. Добавлю, что искать и исследовать эти изменения стоит в самом коде. В качестве примера можно привести проект технотеологии Михаила Куртова. Куртов, рассматривая становление графического интерфейса, показывает, как технические изменения привнесли в культуру явления, аналогичные возникновению христианства³. Такой подход переворачивает идею о том, что культуры локальны, а технологии – универсальны. Наоборот, программисты и инженеры разных стран, получается, произвели общее культурное изменение.

Правда, академические исследования нечасто работают с разными уровнями объяснений. Это потребовало бы учета социально-политических условий, не обращающего их в нечто трансцендентное. Такой подход встречается в акторно-сетевой

3 Куртов М. *Генезис графического пользовательского интерфейса: к теологии кода*. СПб.: Транслит, 2014. С. 88.

теории и в исследованиях науки и технологий (не чуждых авторам «Из России с кодом»). Но в этих теориях исследования помогают скорее обнаружить практическую проблему (например в работе Меткалфа и Мосса⁴, которые изучают, как в корпорациях понимают этику в работе с данными), оставляя более масштабные контексты за скобками. Возможно, если бы к эмпирическим исследованиям добавлялся более разработанный, но емкий социально-философский комментарий, это позволило бы сочетать разные типы знания.

Пример такого сочетания есть и в книге «Из России с кодом» – в главе-картографии, написанной Дмитрием Жихаревичем, где он цитирует Йохайю Бенклера:

«В целом при наличии такой IT-индустрии было бы ошибкой думать, что российская экономика – лишь немногим более чем огромная бензозаправочная станция. Столь же неверно считать, что IT – это просто отрасль среди других отраслей, так как ее влияние является фундаментальным как для экономики, так и для общества в целом» (с. 348).

Вообще Йохайя Бенклер важен для авторов этой книги. Его «Богатство сетей» цитируется в разных главах. В этой книге Бенклер утверждает, что, переходя к сетевому способу производства (от индустриального – то есть иерархического), хозяйство и общество станут богаче и лучше⁵. Такая привязанность к эсхатологической линейности времени, в которой нужно успеть перестроить социальные отношения, предполагает религиозный пафос последних времен. Сюжеты Бенклера наследуют скорее идеологическим сюжетам второй половины XX века – вроде « сетевого общества» в версии Мануэля Кастельса или «информационного общества» в духе футуролога Дэниела Белла.

Но, как миллениаристская (то есть ожидающая конца света и/или радикальных перемен) концепция может быть концептуальной рамкой для исследования социальных изменений, не вполне ясно. Ведь она уже предполагает и исход этих изменений, и их характер. Сам Дмитрий Жихаревич, объясняя, что Россия не только гигантская бензозаправка, впрочем, не раскрывает противоречие между неизбежностью экономических изменений и трагедией невозможности будущего (напомним, это ситуация, когда айтишник производит уничтожающий его алгоритм). Возможно, чтобы понять это сочетание, нужно изучить социальные идеалы самих айтишников.

4 METCALF J., MOSS E. *Owning Ethics: Corporate Logics, Silicon Valley, and the Institutionalization of Ethics* // *Social Research: An International Quarterly*. 2019. Vol. 86. № 2. P. 449–476.

5 См.: BENKLER Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven: Yale University Press, 2006.

Этого немного касается Ксения Ермошина в статье о гражданских хакерах. Работа айтишников, о которых идет речь в этом исследовании, основана не на указаниях начальства, а на их личных представлениях о лучшем обществе, на беспокойстве за состояние страны. Гражданские хакеры, согласно Ермошиной, помещают код на место неработающего закона:

«С технической точки зрения разработчикам необходим набор элементов, которым они могут присвоить определенные значения – например, “истинное” или “ложное”. Они не могут написать приложение “против коррупции” вообще, но способны прописать набор конкретных небольших задач или вопросов, отвечая на которые, пользователь участвует в сборе данных о коррупции» (с. 172).

Получается, что программист не только воплощает в реальность поставленную задачу и способен договориться с другими программистами о новых правилах. Осознавая зазор между техническими и политическими нормами, он переносит свое осознание – в код, а затем – и для тех, кто будет пользоваться его продуктом. Но кто может быть этим пользователем? В конце концов, даже предполагая, что в сетевое общество попадут не все, стоит рассматривать не только способы попасть туда, но вслед за Вальтером Беньямином поглядеть на места, которые будут оставлены духом прогресса. Так вот, Россия, если следовать книге – и особенно ее финальным частям об исходе российских айтишников, – духом прогресса будет оставлена. Стоит проследить эту идею книги более внимательно.

ТЕБЕ НЕ В РАДОСТЬ, МНЕ НЕ В БЛАГОДАТЬ: ГДЕ МЕСТО ДЛЯ АЙТИШНИКА?

Почему важно, что айтишники, о которых идет речь в книге, российские? Что изменилось бы, будь они выходцами из Болгарии или Перу? Вроде бы Россия – одновременно правопреемница практик и культур СССР и при этом обладает собственной политической субъектностью. Соответственно, выходцы из нее будут носить в себе эту культурную неоднозначность, встраиваясь в якобы универсальную IT-среду современности. Но, нет. Идея универсальности ставится под вопрос уже самим оглавлением книги. В ней есть история государственного бренда Эстонии как страны-аватара электронной демократии. Рядом с ней – особенности израильских стартапов: их создают, к удивлению эмигрантов, не в университете, а в армии. По соседству – трагедия предпринимательской утопии Владивостока, прикрытой университетскими реформами федерального центра. Все разработки, возникающие в этих местах, разные,

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
ИЗ РОССИИ, ИЗ РОССИИ,
ИЗ РОССИИ

у них не совпадают задачи и лишь отчасти совпадают методы. Короче говоря, никакой универсальной среды для жизни IT-сферы не существует. Получается, что носители сложных культур (всей России, городов своего происхождения, новых мест обитания) вынуждены действовать в ситуации не менее сложных технических и организационных культур (IT-работы с кодом). Их работа создает инфраструктуру жизни и смерти: от приложений для покупки билета в театр до военных разработок. Но, как сделать контекст видимым, как понять основания для этого производства, непонятно.

Ни в одной главе айтишные культуры не имеют рефлексивной самостоятельности. Недостает и контекста производства самих текстов книги «Из России с кодом». Если программисты кодят на своих, более или менее абстрактных языках, как устроены позиции социальных исследователей? Есть ли для них/нас напряжение между существованием общих концепций и конкретных сюжетов социальных изменений? В какой момент абстракция наблюдаемой реальности становится конкретикой этнографического наблюдения, которое соотносимо с теорией или тенденцией? Хотя умножение метатекстов не лучший писательский прием, здесь он был бы не лишним. Книге не хватает рефлексии не на уровне описания общих рамок и вопросов, а на уровне уточнения позиции составителей и авторов текстов (а возможно, и их представлений о читательницах и читателях).

В конечном счете, «Из России с кодом» показывает, что можно вывезти программистов из России. Но мы не знаем, какая Россия потянется вслед за ними и окажется перенесенной. Ее способность к перенесению куда-либо остается загадкой – но она присутствует в коде. Способы рефлексии этой связи – задача не только для программистов, а для всех, кто силится понять процесс технологизации нашей жизни. Мы можем только надеяться, что этот комментарий к комментарию к «русскому коду» будет иметь смысл не только как метатекст, но как возможность сомневаться в ходе и устройстве закодированных вещей.